В.Н.Рудаков

«ДУХЪ ЮЖНЫ» И «ОСЬМЫЙ ЧАС» В «СКАЗАНИИ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ»

Среди памятников Куликовского цикла — «Задонщина», краткая и пространная летописные повести о Куликовской битве и «Сказание о Мамаевом побоище» — последнее произведение содержит наиболее подробный рассказ о сражении «на усть Непрядве», причем значительная часть сообщаемых «Сказанием» сведений носит уникальный характер. Не касаясь проблемы авторства оригинальных известий памятника, полагаем, что их вставка в текст «Сказания» явилась результатом творчества самого автора произведения, пожелавшего дополнить уже известные описания битвы новыми деталями, а иногда и целыми сюжетами.

В число оригинальных сюжетов «Сказания» входит и известие о действиях знаменитого засадного полка, возглавляемого князем Владимиром Андреевичем Серпуховским и воеводой Дмитрием Михайловичем Боброком-Волынцем. Рассказ о стоянии засадного полка в «дубраве» и его выходе на поле боя, несомненно, являет собой кульминационный момент всего повествования. Однако, несмотря на это, смысл указанного известия практически не подвергался анализу.

В исторической науке прочно утвердилось представление о реальности большинства описываемых в «Сказании» событий. Широкое распространение получило мнение о том, что в основе известия о засадном полке «лежит реальный факт военной тактики Московского князя»[1]. Данная точка зрения, к сожалению, не была подкреплена сколько-нибудь приемлемой аргументацией. Анализ же деталей известия позволяет нам усомниться в справедливости приведенного мнения и предположить наличие в тексте памятника некоторых более глубоких смыслов, скорее всего, не связанных напрямую с простым описанием батальных сцен 1380 года. По нашему мнению, существующее недооценивание полисемантичной структуры произведения обедняет наше представление о памятнике, а следовательно, деформирует взгляд на восприятие Куликовской битвы в момент создания «Сказания о Мамаевом побоище». В настоящей статье мы попытаемся выявить смыслы, скрытые при буквальном прочтении памятника, и предложить более адекватную интерпретацию известия о засадном полке.

* * *

Вступлению засадного полка в бой предшествовал известный разговор Владимира Андреевича Серпуховского с воеводой Дмитрием Михайловичем Боброком. Суть разговора касалась определения времени, приемлемого для выхода полка из засады.

На определенном этапе сражения, видя, что «поганни же начаша одолевати, христианскыя же полки оскудеша», и, «не мога терпети» этого, серпуховской князь призывает воеводу немедленно выступить на помощь основным силам русских. Однако Боброк, ссылаясь на то, что время выступления еще не пришло, а всякий «начинаай без времени, вред себе приемлеть», предлагает князю ждать до «времени подобна», поскольку именно тогда, по мнению Дмитрия Михайловича, Божественная благодать снизойдет на русских, поможет им разбить «поганых». Выбранное Боброком время оказывается «счастливым»: выскочивший по призыву воеводы засадный полк наносит решающий удар противнику, что и приводит к окончательной победе.

Исследователи давно обратили внимание на прозорливость воеводы Боброка, отмечая, что ни преждевременный, ни запоздалый удары засадного полка не смогли бы переломить ход сражения[2]. Споры ученых начались тогда, когда были предприняты попытки понять, из каких критериев исходил Боброк-Волынец, определяя «время подобно» для выступления своего полка из засады. Было предложено несколько версий, объясняющих внутреннюю мотивацию поведения Дмитрия Боброка. Одни исследователи полагали, что вступлению засадного полка в бой первоначально препятствовал сильный встречный ветер, перемены которого якобы так настойчиво ожидал Волынец[3], и солнце, слепящее глаза русских воинов и мешающее им биться с врагом[4]. Другие исследователи считали, что Боброк дожидался изменения не природных факторов, а местоположения татар на поле брани, то есть дожидался времени, когда «поганые» окажутся наименее защищенными перед ударом русского полка. По мнению этих ученых, Боброк сдерживал засадный полк «до момента, когда преследующие бегущих (русских воинов.— В.Р.) татары повернулись к засаде тылом». После чего «Боброк стремительно бросился на татар»[5].

При выдвижении вышеперечисленных версий исследователи исходили из факта реальности описанного в «Сказании» эпизода. Однако художественное произведение, коим является исследуемый нами памятник древнерусской литературы, имеет свою внутреннюю логику, поскольку «всякий истинно творческий текст всегда есть в какой-то мере свободное и *не предопределенное эмпирической необходимостью* (курсив наш.— В.Р.) откровение личности»[6]. Именно обращение к анализу «внутренней логики» текста и должно

быть, на наш взгляд, первым шагом к выявлению мотивации поведения героев литературного произведения.

«Сказание о Мамаевом побоище» дошло до нас в значительном числе списков, подразделяемых на несколько редакций, среди которых наиболее ранними считаются Основная, Летописная, Распространенная и Киприановская. При восстановлении авторских чтений памятника мы исключаем Киприановскую редакцию, возникшую в недрах Никоновского летописного свода примерно в 1526—1530 годах и последовательно соединявшую известия внелетописного памятника — «Сказания» — с «Летописной Повестью» о Куликовской битве[7]. Позволяющие нам судить о первоначальном виде памятника тексты Основной, Летописной и Распространенной редакций, единодушно свидетельствуя о том, что Боброк призывал ждать «времени подобного», далее расходятся в изложении слов воеводы. Согласно Летописной и Распространенной редакциям, Дмитрий Боброк точно определяет срок наступления этого «времени»: *«осмого часа ждите,*— призывает он серпуховского князя,— *в он же имать быти благодать Божия»*[8]. Основная редакция если судить по списку РНБ, 0.IV.22, выбранному Л.А.Дмитриевым для публикаций, чтения «осмого часа ждите» не имеет[9]. Однако, как отметила М.А.Салмина, «ни один из списков основной редакции не дошел до нас в первоначальном виде. Всем спискам присущи те или иные дефекты, полученные в результате переписки, позднейшие вставки. Не представляет исключения и список ГПБ, 0.IV.22» (ныне: РНБ, 0.IV.22.— В.Р.)[10]. Упомянутый нами список РНБ представляет т.н. Основной вариант Основной редакции (далее вар. О). Мы просмотрели опубликованные списки «Сказания», относящиеся к другим вариантам Основной редакции. Подобно указанному списку РНБ (вар. О), чтение «осмого часа ждите» отсутствует в поздних вариантах Основной редакции[11]. Более ранний вариант Ундольского (вар. У) довольно близок к вар. О (они вместе, по мнению Л.А.Дмитриева, восходят к протографу памятника[12]). В списке, лежащем в основе всего вар. У (РГБ, собр. Ундольского № 578), чтение «осмого часа...» присутствует[13]. То же можно сказать о Печатном варианте «Сказания», а также о списках ГИМ, собр. Уварова № 999а (близок к Печатному варианту) и ГИМ, собр. Уварова № 1435 (промежуточный между вар. О и вар. У)[14]. Интересно, что и в Лондонском лицевом списке «Сказания», который, по мнению Л.А.Дмитриева, также относится к Основной редакции (ближе к вар. У), на лл. 40 об. и 44 мы находим подписи к миниатюрам: «Князя Владимира Андреевича полк стоит в лузе, крыяся при дубраве, *ждет осмого часа...»* и «Княж Владимиров полк стоит и *ожидает осмого часа,* дондеж время придет»[15]. Кроме того, в тех вариантах Основной редакции, где чтение «осмого часа...» отсутствует, в текстах дважды (!) на-

блюдается упоминание «часа», правда, без числового определения последнего, но с непонятными в данном контексте указательными местоимениями («вън же час», «от сего часа»)[16]. Представляется, что отсутствующие указания на «осмой час» в списках Основного, Михайловского и Забелинского вариантов Основной редакции являются позднейшими искажениями первоначальных чтений, которые сохранились в списках Летописной, Распространенной и некоторых ранних вариантов Основной редакций. Исходя из указанных чтений источника, полагаем, что Боброк, призывая Владимира Андреевича не спешить, точно определяет время будущего вступления в бой («осмой час»).

Когда же «приспе ... час осмый», согласно тексту памятника, «*абие духъ южны* потягну зэади их». После этого «воспи Волынецъ гласом великим князю Владимиру: "час прииде, а время приближися". И паки рече: "братия мои и друзи, дерзайте, *сила Святого Духа помогает нам*"»[17]. После этих слов в «Сказании» следует описание выхода засадного полка, разгрома и бегства татарских войск.

Тексты «Сказания» не имеют свидетельств того, что солнце светило русским воинам в глаза, мешая им дать достойный отпор «поганым» и тем самым помочь гибнущим в этот момент соплеменникам. Исследователи, придерживающиеся данной версии, видимо, опирались на «свидетельство» не источника, а... В.Н.Татищева, который, действительно, полагал, что «русским... тяжко бе, зане *солнце* бе во очи и *ветр*»[18]. На каких текстах мог основывать свою гипотезу В.Н.Татищев, нам неизвестно. Тексты «Сказания» не позволяют признать обоснованной и версию тех исследователей, которые полагали, что Боброк ожидал, когда не подозревавшие о существовании засадного полка татары, увлекшись атакой, подставят под удар свой фланг (или тыл). Мало того, что «Сказание» не упоминает о такой тактической «небрежности» татарских войск. Точно названное воеводой время выступления — «осмой час» — позволяет считать, что, несмотря на свою опытность, Боброк-полководец все-таки не мог предугадывать характер и определять время (причем с точностью до часа!) будущих ошибок неприятеля. Также с трудом верится в то, что воевода мог предугадать час, в который переменится ветер.

Вообще, версия исследователей о наличии в начале сражения встречного ветра, якобы мешавшего полку Владимира Серпуховского выступить на помощь основным силам русских, основывается на единственной фразе: «И егда хотяху изыти на враги своя, и *веаше ветр велий противу им в лице* и бьяше зело и возбраняше», читающейся только в поздней — Киприановской — редакции памятника[19]. Прав А.С.Демин, полагая, что последующие редакции «Сказания», к коим относится и Киприановская, «служили *истол-*

кованием (курсив наш.— В.Р.) авторского текста»[20]. Вероятно, составитель этой редакции произведения исходил из чтения текста первоначального вида о том, что в момент «времени подобного» «духъ южны потягну *взади*» русских воинов. Поняв употребленный древнерусским книжником термин «духъ» как «ветер» и истолковав процитированное чтение как указание на то, что перед этим ветер дул русским *«спереди»*, т.е. в лицо, исследователи и предложили гипотезу «о встречном ветре». По всей видимости, предложенная гипотеза являет собой отнюдь не единственное, а лишь *одно из возможных* истолкований текста «Сказания о Мамаевом побоище».

Таким образом, отсутствие в историографии сколько-нибудь приемлемых, опирающихся на тексты источника объяснений выжидательной тактики Дмитрия Боброка приводит нас к необходимости более подробно исследовать упомянутые в «Сказании» обстоятельства вступления засадного полка в бой.

Нам представляется, что упомянутый в «Сказании» «**духъ южный**», «потянувший сзади» русских полков, не может ассоциироваться с реальным, попутным для русских, «южным ветром». Употребление географического определения «духа» — «южный» — позволяет проверить достоверность данного сообщения памятника. Действительно, дующий с юга ветер может быть попутным лишь для тех, кто движется с ним в одном направлении (буквально «по пути» ветра). По всей видимости, засадный полк, впрочем, как и основные силы Дмитрия Донского на Куликовом поле, не могли наступать, двигаясь с юга на север. Существующие в науке локализации «Куликова поля» и расположения на нем русских и ордынских войск (традиционная, принадлежащая С.Д.Нечаеву[21] и поддержанная большинством исследователей, а также новейшая — В.А.Кучкина[22]) однозначно признают тот факт, что русские могли совершать наступательные действия *только с севера на юг*. Следовательно, если в «Сказании» речь шла о южном ветре, то последний ни в коем случае не мог бы подуть «сзади» русских, а, значит, не мог бы быть попутным для них[23]. Вероятно, появление определения «южный» нельзя объяснять и неосведомленностью средневекового книжника, столетие спустя решившего вновь описать героическую битву на Непрядве. Мы не согласны с В.А.Кучкиным, полагающим, что «здесь очевидно явное незнание некоторых реалий сражения автором "Сказания о Мамаевом побоище"»[24]. Стоит иметь в виду, что автор памятника вполне подробно описывает маршрут движения русских войск на поле Куликово, вполне сносно ориентируется в расположении сторон света (Мамай движется с *востока*, перед битвой «земля стонет велми... на восток волны до моря, а на *запад* до Дуная»[25]). Кроме того, необходимо помнить, что слово «духъ» полисемантично, а следовательно, интерпретация фразы «*духъ* южный» как «южный *ветер*» требует

того или иного обоснования. (Помимо значений 'дуновение', 'движение воздуха', 'ветер' древнерусское слово «духъ» имело еще и другие значения, как то — 'бесплотное сверхъестественное существо', собственно 'дух', а также 'благодать', 'дар', 'сверхъестественная сила'[26]). Важно отметить, что, насколько мы можем судить, в первоначальном виде «Сказания» слово «ветер» в исследуемом нами эпизоде не употреблялось вообще; впервые это слово появляется опять-таки в Киприановской редакции памятника[27].

По всей видимости, употребление прилагательного «южный» было сознательным и намеренным (столь же намеренным, сколь и настойчивое употребление термина «духъ» в ранних редакциях «Сказания» вместо возможного, по крайней мере, с позиций составителя Киприановской редакции, термина «ветер») и не является ошибкой, допущенной автором памятника. Помимо приведенных выше рассуждений общего характера, важным аргументом в пользу подобного заключения является наличие в тексте «Сказания» еще одного упоминания юга в аналогичном, по нашему мнению, контексте. Как оказалось, описание вступления в бой засадного полка не является единственным описанием победы русских войск на Куликовом поле. Незадолго до этого эпизода в текст памятника помещен рассказ о видении некоего Фомы Кацыбея (Кацибеева) — одного из воинов Дмитрия Донского. Стоя на страже, «на высоце месте», упомянутый Фома «видети облакъ от востока велико зело изрядно ... аки некия пльки к Западу идущь». Вдруг явились «от *полуденная* же страны (т.е. с южной стороны! — В.Р.) два юноши, имуща на себе светлыи багряница, лица их сияюща, аки солнца, въ обоихъ рукахъ у них острые мечи, и рекуще пльковникомъ: "Кто вы повело требити отечество наше, его же нам Господь дарова?" И начаша их (упомянутые полки. — В.Р.) сеции и всех изсекоша, ни единъ же от них не избысть»[28]. В данном «видении» мы видим описание типичной для древнерусской литературы ситуации помощи небесных сил. (В случае с Фомой Кацыбеем под загадочными юношами легко угадываются «сродники великого князя» — святые великомученики Борис и Глеб. Движение же «облака» с востока на запад точно повторяет маршрут движения на Русь полчищ «безбожного Мамая»; именно его «полки» «секут» свв. Борис и Глеб.) Интересно, что разгром татар в «Сказании» также описывается как небесное заступничество, снизошедшее на русских: действительно, «сынове русские, силою Святого Духа и *помощию* святых мученикъ Бориса и Глеба, гонище, сечаху» «поганых татар»[29]. В данном контексте «видение» Фомы Кацыбея можно рассматривать как «предвосхищенное будущее», сюжеты же, связанные с описанием русской победы над ордынцами, — как «воплощенное предсказание» этого «вещего» воина.

В таком случае, даже если употребление определения «южный» относительно «духа» можно отнести на счет неосведомленности автора памятника, то упоминание «полуденной страны» как места, откуда к русским приходит небесное заступничество, к подобным ошибкам отнести вряд ли возможно: очевидно, что детали описания феноменов «мира невидимого» («помощи свыше») никак не могли быть связаны с конкретными сторонами Куликова поля.

Представляется, что употребленное древнерусским книжником прилагательное «южный» относилось не к реальному ветру, дующему с какой-либо стороны, а к *духу*, к нематериальной, сверхъестественной силе, олицетворявшей снисхождение Божественной благодати на русские полки и находящейся вне зависимости от земных событий и явлений. Смысловая и образная связь «видения» и его «воплощения» дает почву именно для таких заключений. Упоминание «духа южного», вероятнее всего, является сознательным творческим ходом автора «Сказания», дважды (!) пожелавшего отметить, что помощь русским полкам снисходила именно от этой, в данном контексте, богоизбранной стороны света.

Давно отмечено, что объективно существующее пространство (равно как и время) воспринимается — переживается и осознается — людьми (социумом в целом и каждым индивидуумом в отдельности) субъективно, причем в разные исторические эпохи — по-разному[30]. Пространство земной жизни в средневековом христианском мировоззрении являлось лишь проекцией «пространства» неземного; существовала некая «пространственная непрерывность», «которая переплетала и соединяла небо и землю» и которой, кстати, соответствовала аналогичная «непрерывность времени»[31]. В этой ситуации средневековый человек «стремился в окружающем его микрокосме воссоздать пространственно-временные структуры, имитирующие макрокосмические отношения», поэтому земля как географическое понятие одновременно воспринималась как место земной жизни и, следовательно, входила в оппозицию «земля-небо». Именно по этой причине, как отмечал Ю.М.Лотман, «земля получает несвойственное современным географическим понятиям религиозно-моральное значение», которое получают также географические понятия вообще, а сама «география выступает как разновидность этического знания»[32]. Те же функции в системе восприятия пространства выполняли и стороны света, которые «с древнейших времен играли важную роль в создании системы координат, позволявшей человеку ориентироваться в окружающем его мире, в физическом и сакральном пространстве»[33].

По мнению А.В.Подосинова, «южная сторона горизонта во многих культурах древности принадлежала к числу сакральных сторон света»[34]. По всей видимости, русская средневековая культура в данном случае исключением не являлась. Восприятие юга как

сакрального, богоизбранного места нашло отражение в древнерусском переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия — с XI века известном на Руси и чрезвычайно популярном произведении[35]. Более явно восприятие богоизбранности юга в русском средневековом сознании проявилось в припеве к стихирам, которые исполняли «на первом часе» в т.н. «царские часы» (т.е. накануне Рождества Христова, Богоявления и в Великую Пятницу) в русской церкви с давних пор[36]. Название припева — «Бог *от юга*» — перекликается также с фразой текста Служебной Минеи на *8 сентября* (праздник Рождества Пресвятой Богородицы). В Минее присутствует чтение: «Пророкъ Аввакумъ, умныма очима провиде, Господи, пришествие Твое. Темъ и вопияше: *отъ юга приидетъ Богъ*. Слава силе Твоей, слава снисхождению Твоему»[37]. Тот факт, что в минейном тексте на 8 сентября — день, когда произошло «побоище на Дону» (!) — содержится явное указание на богоизбранность юга, позволяет с большой степенью вероятности предположить наличие смысловой связи между указанным чтением Минеи и «духом южным» «Сказания о Мамаевом побоище».

Мы полагаем, что упоминание «духа южного» было связано с необходимостью описать сцену не батальную, а *провиденциальную*, сцену, где «*дух*» знаменовал собой сошествие на помощь русским «силы Святого *Духа*». Семантическая близость «южного духа» и «Святого Духа» актуализировала именно знаковую функцию исследуемого чтения. Упоминание «духа южного» получало особенное звучание еще и потому, что восприятие юга как богоизбранной стороны света, возможно, приобретало специфическую напряженность именно в день Рождества Пресвятой Богородицы, когда и произошло заступничество небесных сил русским воинам на Куликовом поле. Таким образом, мы полагаем, что «духъ южный», будучи не связан с реальным южным ветром Куликовской битвы, являл собой подчеркиваемое автором «Сказания о Мамаевом побоище» *знамение* снисходящей на православное воинство Божественной благодати.

Возвращаясь к выяснению причин, побудивших Волынца медлить со вступлением в бой, следует констатировать, что ни одна из предложенных наукой версий не опирается, в первую очередь, на текст самого источника. Скорее всего, для автора памятника **успех засадного полка связывался с началом помощи «небесных сил», без которой победа в битве была бы, по его мнению, просто невозможна**. Не фактор внезапности и не то, что в лице засадного полка в бой был введен воинский резерв[38], предопределили русскую победу на Непрядве, по мнению автора «Сказания». Победу «православному воинству» обеспечило Божие Проведение, в руках которого было и «попустить» «поганым» «грехъ ради нашихъ», и разбить «нечестивых» силою Святого Духа. Именно

конца «попущения Божьего» («попущения», равнозначного «гибели христианской») и начала снисхождения «Божьей Благодати» ожидал Дмитрий Боброк в «Сказании о Мамаевом побоище».

Резонен вопрос, почему древнерусский книжник именно в «осмом часу» «заставил» своего героя ожидать Божьего заступничества. Нам представляется, что между «духом южным», «осмым часом» и нисхождением помощи свыше русским полкам существует тесная смысловая связь. Действительно, в описании разговора Боброка и Владимира Серпуховского мы находим упоминание *«осмаго часа»* как времени, когда, по мысли воеводы, следует ожидать Божьей помощи, как *«времени подобного»*, наиболее подходящего для вступления в бой. Смысловая связь между двумя деталями «Сказания» особенно остро проявляется в том, что автор памятника сознательно и достаточно жестко определяет последовательность произошедших событий: как только «осмый час приспе», *«абие* (т.е. 'тотчас', 'немедленно'.— В.Р.) духъ южны потягну».

Исследователям проблема хронометрии событий Куликовской битвы представлялась решенной. Из четырех известных памятников Куликовского цикла только два — самые поздние («Летописная Повесть» и «Сказание»), — имеют указания на часы, в которые происходили те или иные события сражения на Непрядве. Вслед за М.Н.Тихомировым большинство исследователей склонны доверять информации «Летописной Повести», согласно которой битва продолжалась три часа — «от шестого часа до девятого»[39]. С этой точкой зрения согласен и В.А.Кучкин, который считает, что «сведения о продолжительности Куликовской битвы содержатся в "Летописной Повести": с 6 по 9, т.е. с 10 ч. 35 мин. до 13 ч. 35 мин.». Но, по справедливому замечанию исследователя, «"Летописная Повесть" не знает, когда в сражение вступил засадный полк. Время его вступления называет "Сказание о Мамаевом побоище": 8 час (12 ч. 35 мин.)». С другой стороны, полагает В.А.Кучкин, «автор "Сказания" не знал, когда началась и когда закончилась битва». На основе приведенных аргументов исследователь приходит к выводу о «согласованности разных источников относительно хронологии важнейших эпизодов битвы», что, на его взгляд, «позволяет с доверием относиться к содержащимся в них хронологическим указаниям»[40].

По нашему мнению, ни одна из приведенных точек зрения не является в достаточной мере обоснованной. Само по себе более раннее (по сравнению со «Сказанием») происхождение «Летописной Повести» еще не служит аргументом в пользу большей достоверности содержащейся в ней хронометрической информации. Наоборот, большая отдаленность памятников от описываемых событий (в случае с «Летописной Повестью» — примерно 50—70 лет, в случае со «Сказанием» — приблизительно 100—120 лет) в одина-

ковой степени позволяет усомниться в точности хронологических расчетов авторов этих произведений. «Согласованность» же версий обоих памятников представляется нам надуманной. Во-первых, сам автор «Сказания», по всей видимости, полагал, что знает, когда началась битва: **в третьем часу** «съступишася грозно обе силы великиа»[41]. Более того, автор памятника рассказывает о событиях, произошедших, по его мнению, между вторым и третьим часами[42]. **Под шестым же часом**, когда, согласно «Летописной Повести», битва только начинается («въ шестую годину дни начаша появляться погании измаилтяне в поле... и тоу сретошася полци...»[43]), в «Сказании» находим рассказ о том, как «Божиимъ попущениемъ, греховъ ради нашихъ начаша погании одолевати». Именно в это время и происходит знаменитый разговор Владимира Серпуховского и Боброка о времени вступления в бой на помощь погибающим соплеменникам. Во-вторых, оказывается, что автор «Сказания» знал и время окончания боя. Если сравнить находящиеся в обоих памятниках описания того, что происходило на Куликовом поле, то станет ясно, что свои последние хронометрические указания разные авторы отнесли к одному и тому же событию, по-разному лишь «датировав» его. Действительно, согласно «Летописной Повести», «въ 9 часъ дни, призре Господь милостивыма очима на... вся христианы..., видеше вернии, яко въ 9 часъ бьющеся ангелы помогающе христианом и святыхъ мученикъ полкы...» (интересно, что среди мученников бьются и «тезоименитные Борис и Глеб»)[44]. В «Сказании», как уже было упомянуто, лишь только «осмый час приспе», появляется «духъ южный», знаменующий снизошедшую на русских Благодать. Она же начинает помогать им в борьбе с «погаными»: «сынове же русскые, силою Святого Духа и помощию святых мученикъ *Бориса и Глеба*, гоняще, сечаху» татар[45]. Как представляется, под разными часами (8-м и 9-м) в обоих памятниках описываются не сами воинские победы русских, а, в первую очередь, непременно предшествующие этим победам провиденциальные сцены, сцены сошествия Божьей благодати, помогающей православным воинам, укрепляющей христиан.

Таким образом, мы полагаем, что **существуют две отличные друг от друга хронометрические версии событий Куликовской битвы, ни одна из которых не может быть признана нами в качестве более достоверной**. (Кстати, впервые столкнулся с несогласованностью хронометрических показаний «Сказания» и «Летописной Повести» составитель Киприановской редакции. Рассудив, что под «осмым» часом в «Сказании» и под «девятым» часом в «Летописной Повести» описано одно и то же событие (появление помощи «свыше»), книжник «согласовал» хронометрические версии обоих произведений. В результате, как нам представляется, возникла компилятивная хронометрическая версия Кипрановской редакции

«Сказания», согласно которой битва оканчивалась выходом засадного полка в... девятом часу[46].)

Появление в столь поздних относительно описываемых в них событий памятниках «точных» хронометрических данных может, на наш взгляд, быть объяснено **спецификой средневекового восприятия времени.**

Как было упомянуто, время, будучи объективной категорией существования человечества в окружающем мире, в разные эпохи воспринималось по-разному[47]. В средние века существовало особое отношение ко времени[48]: «средневековье было безразлично ко времени в нашем, историческом его понимании, но оно имело свои специфические формы его переживания и осмысления»[49]. По мнению Жака Ле Гоффа, средневековая хронология «не определялась протяженностью времени, которое делится на равные отрезки и может быть *точно* (курсив наш.— В.Р.) измерено... Она имела знаковый характер... Средневековые люди доводили до крайности аллегорическое толкование содержавшихся в Библии более или менее символических дат и сроков творения»[50]. Таким образом, средневековье «датировало события по другим правилам и с другими целями». Вероятно, лишь даты, *знаменующие* что-либо, могли привлечь внимание средневекового человека, и, наоборот, датировки — определения места события во времени — могли быть использованы, по всей видимости, во многом лишь по отношению к действительно *значащим* событиям. (Тем более, «в процессе художественного познания мира», где средневековье вырабатывало «свои, автономные категории времени и пространства», которые, в свою очередь, обусловливались «скорее особыми *художественными задачами* (курсив наш.— В.Р.), возникавшими перед писателями, поэтами, живописцами»[51].)

Средневековый человек «не знал ни унифицированного времени, ни единообразной хронологии»[52]: сутки делились на часы неодинаковой протяженности, а сам отсчет суточного времени мог начинаться с различных моментов: не только с полуночи (как это принято теперь), но и с заката, восхода и даже с полудня. По всей видимости, точность измерения времени, по крайней мере, внутри суток, для средневековья не была столь же актуальной, как в новое время. Несмотря на то, что проблема счисления времени в пределах суток в отечественной историографии поднималась лишь эпизодически[53], существует достаточно аргументированное мнение крупнейшего специалиста в области древнерусской хронологии Н.В.Степанова, полагавшего, что на Руси «никакой определенной системы в счете часов не было»[54].

Причины отсутствия в средние века точности в измерении столь малых промежутков времени, как час, объясняются, в первую очередь, тем, что в подобной точности не испытывали особой нужды.

«Поскольку темп жизни и основных занятий людей зависел от природного ритма, то постоянной потребности знать точно, *который час* (курсив наш.— В.Р.), *не существовало... Жизнь населения регулировалась боем колоколов, соразмеряясь с ритмом церковного времени*»[55]. Последовательность же церковных служб и точное в срок их совершение, возможно, также не зависели от *счисления* каждого *конкретного* момента времени. Подобные изо дня в день, через определенные промежутки времени повторяющиеся события можно было хронометрировать приборами типа песочных часов, отмеряющих время только «от и до», но не отсчитывающих и не обозначающих *каждый момент* внутри этого промежутка.

Отсутствие интереса к измерению времени в столь малых величинах[56] порождало и отсутствие необходимых для подобных вычислений приборов. В Западной Европе, например, «до XIII—XIV вв. приборы для измерения времени были редкостью, предметом роскоши»[57]. Та же ситуация, по всей видимости, наблюдалась и на Руси. Так, первое описание механических часов, установленных на одной из башен Московского Кремля, зафиксировано под 1404 г. «Часник» был установлен выходцем из Сербии монахом Лазарем и обошелся казне в 150 рублей[58]. При этом следует отметить, что установка башенных часов на Руси на протяжении всего XV века представляла собой явление крайне редкое и воспринималась как исключительное событие. По мнению исследователей, «можно с уверенностью сказать, что... широкий размах строительство башенных часов получает лишь в XVI веке»[59]. Правда, помимо механических часов существовали приборы, столь же точно измеряющие время, но основанные на иных, так сказать, технологических принципах функционирования. К сожалению, обнаружить такие приборы, вероятно, существовавшие на Руси, насколько нам известно, не удавалось. Однако необходимо отметить, что «клепсидры» — водяные часы — даже в Западной Европе «оставались редкостью, были, скорее, игрушкой или предметом роскоши, чем инструментом для измерения времени»[60]. Скорее всего, в климатических условиях Европейской части России период применения такого хронометрического прибора ограничивался только теплым временем года, когда температура воздуха не опускалась ниже нулевой отметки. В холодные времена года действие водяных часов, по всей видимости, прекращалось, поскольку вода замерзала, из-за чего сами часы могли выйти из строя. Что касается «гномонов» — солнечных часов, то они «были пригодны лишь в ясную погоду»[61] и в светлое время суток. На Руси, особенно на северо-востоке, где лишь меньшая часть дней в году была и остается солнечной, а значительная часть года — это время «пасмурное», в большинстве случаев солнечные часы также оказывались бездейственными.

Даже само упоминание «часа» как «астрономической единицы времени», давно замеченное в русских средневековых текстах (по наблюдениям Н.Ф.Мурьянова, подобное упоминание содержится уже в «Путятиной Минее»[62] XI века), не может служить доказательством измерения столь малого для средневековья отрезка времени. Термин «час», как показал Н.В.Степанов, долгое время на Руси не имел ничего общего с теми «равными (разрядка Н.В.Степанова) часами», которые составляли 1/24 суток и которыми принято измерять время теперь[63]. Каким же образом все-таки измерялось суточное время, откуда в источниках появляются почасовые указания?

Согласно гипотезе Н.В.Степанова, «русские не по часам определяли время обеден, вечерень, заутрень, а наоборот, по обедням, вечерям и заутреням (а также по другим службам суточного круга, добавим мы.— В.Р.) любители определяли, когда желали этого, свои часы»[64]. При этом, как совершенно верно, на наш взгляд, отметил Н.В.Степанов, именно «важность (описываемого в произведениях древнерусской литературы) события (добавим, его значимость.— В.Р.) требовала... подобающего описания»[65], в том числе, по всей видимости, и с привлечением хронометрической информации об этом событии.

В представлении средневековья явления реальной жизни, а также события, описываемые в произведениях литературного творчества, разворачивались как бы «сразу в двух временных планах — в плане эмпирических, преходящих событий земного бытия и в плане осуществления Божьего предначертания»[66]. При этом само историческое время (время «преходящих событий».— В.Р.) было подчинено сакральному времени[67]. Поскольку средневековое сознание основу основ и причину причин всякого явления видело в действиях Творца, «конкретные исторические события не воспринимались буквально, как нечто самоценное, их соотносили с промыслом Божиим и наделяли провиденциально-эсхатологическим значением»[68]. Действовал «принцип», согласно которому событие было «существенно... постольку, поскольку оно являлось со-Бытием»[69], а «сами факты земной жизни в сознании человека представали не иначе как знаки и образы, связанные с действием и волеизъявлением Творца»[70]. Все это создавало своеобразные критерии как для отбора требующих фиксации фактов, так и для выбора средств их описания. Средневековому книжнику, вероятно, приходилось учитывать не только то, когда то или иное событие могло произойти на самом деле, но и то, как соотносится «проставленное» им «земное время» описываемого события с временем «сакральным».

Как нам представляется, появление точных почасовых указаний в «Летописной Повести» и «Сказании о Мамаевом побоище» может быть объяснено или привлечением составителями этих па-

мятников каких-либо более ранних, но не дошедших до нас (при этом обязательно разных, поскольку почасовые датировки обоих памятников существенно отличаются) источников, или сознательным, творческим приемом авторов «Летописной Повести» и «Сказания», стремившихся обозначить наиболее важные, с их точек зрения, события битвы именно таким образом — «хронометрировав» их.

Возможность пользования составителями «Летописной Повести» и «Сказания» двумя (!) не дошедшими до нас источниками, содержащими разные хронометрические версии одних и тех же событий, представляется нам маловероятной. Если какие-либо ранние хронометрические свидетельства о событиях Куликовской битвы и существовали, то почему ими не воспользовались авторы «Задонщины» или краткой летописной повести? Трудно предположить, что составители этих рассказов о Куликовской битве могли не знать о существовании хотя бы одного из двух гипотетических памятников, коль скоро с ними смогли познакомиться авторы более поздних источников — «Летописной Повести» и «Сказания». Трудно также предположить, что составители «Задонщины» и краткого летописного рассказа сознательно и последовательно обходили упоминания столь точных хронометрических данных, которые только бы добавили живости в их повествования. Вероятнее предположить, что отмеченные хронометрические указания и в «Летописной Повести», и в «Сказании» явились плодом творчества самих сочинителей этих памятников. Подобная точка зрения представляется тем более резонной, что, по всей видимости, хронометрические измерения во время битвы вообще не производились — ни при помощи часов (водяных ли, солнечных ли, а уж тем более — механических или песочных), ни при помощи колокольного звона. (Поскольку Куликово поле находилось, согласно представлениям того времени, за пределами «Русской земли», а следовательно, и православного мира, возможность существования вблизи места сражения каких-либо православных храмов, имеющих к тому же и звонницы, приходится исключить.) Хронометрические версии событий сентября 1380 года, скорее всего, появились много позже, когда потребовалось описать произошедшее на Куликовом поле, причем описать *иначе*, чем это сделали «Задонщина» и краткая летописная повесть. При этом авторы «Летописной Повести» и «Сказания», по всей видимости, исходили из того, что точное хронометрирование выделяет описываемое ими событие из общего ряда «безымянных», с точки зрения хронологии, фактов рассказа. Условность же хронометрических указаний отнюдь не смущала ни самих книжников, ни их «читательскую аудиторию», поскольку, вероятнее всего, являлась нормой современного им художественного повествования.

Исходя из вышеизложенного, представляется, что упоминание «осмаго часа» как момента времени, когда «имать быти благодать Божия», как момента, когда «сила Святого Духа» начинает помогать русским полкам, не отражает реальный 8 час дня (по древнерусской системе счисления часов), а имеет символическое значение. Средневековью были известны «добрые» и «злые» дни[71], были известны также и «добрые», и «злые» часы[72]. Возможно, автор «Сказания» имел основания полагать, что «осмой час» в субботу 8 (!) сентября 1380 года (6888 от С.М.) непременно должен был быть «счастливым», отмеченным Божественной благодатью, и поэтому *благо*-приятным для победы русских сил. Именно эти соображения, вероятно, и могли подвигнуть средневекового книжника дать указание на то, что Дмитрий Боброк ожидал «осмого часа», «времени подобнаго», когда «благодать Божия» снизойдет на православное воинство.

Анализ числовой символики исследуемого нами «осмого часа» укрепляет подобное предположение. Дело в том, что «идеи о числах как теологических символах, отражающих сущность высшей непознаваемой истины, постоянно питали средневековую мысль, воплощаясь в той или иной форме»[73], причем, «функции последних (чисел.— В.Р.) в контексте того или иного произведения... не всегда (были) определены только фактологическими задачами; не редки сочинения, в которых числа использованы как средство художественной изобразительности, средство, обладающее специфической сакрально-символической семантикой»[74]. Число несло дополнительную, причем — часто *сущностную*, информацию о том или ином событии или явлении.

В православии число «8» с древнейших времен символизировало *вечность*, «новый эон», «Царство Божие»[75]. Связано это было с тем, что в христианском сознании число «8» ассоциировалось с «восьмым днем Творения». Начиная с трудов Отцов Церкви, время земной жизни разворачивалось в рамках своеобразной «седмицы». Согласно данной концепции, земное время являлось как бы отражением символического времени «шести дней творения», включая и «седьмой день», когда Господь «почил от всех дел своих»[76]. Таким образом, земная жизнь человечества, вплоть до Страшного Суда, укладывалась в указанную седмицу. Согласно средневековым представлениям, по «окончании времен», то есть — по окончании «земной седмицы» и Страшного Суда, должен был начаться «восьмой день», представляющий собой «последний век», вечно длящийся «единый день» Спасения[77].

Символическое значение числа «8» было хорошо известно в средневековой Руси: наступление восьмой тысячи лет от Сотворения Мира воспринималось как начало «восьмого дня», которому должен был предшествовать Страшный Суд. Именно подобное вос-

приятие времени и определило высочайшую напряженность ожидания 1492 г. от Р.Х. (7000 от С.М.), вслед за которым православные христиане ожидали «окончания времен»[78]. Широкое распространение символика «восьмерки», по всей видимости, получила и в иконографии — знаменитый восьмиугольник, в который как бы вписывалась фигура Христа («Спас в силах»), олицетворял собой эсхатологическую Вечность[79]. По наблюдениям Д.С.Лихачева, восьмиугольная форма крещальной купели также имела символический смысл: погружаемый в купель новообращенный христианин тем самым приобщался к «жизни вечной», к Спасению[80].

Победа над татарами, нашествие которых описывается автором «Сказания» с помощью целого ряда деталей, свойственных описанию эсхатологических «знамений», вполне могла ассоциироваться в сознании книжника, а вероятнее всего, и определенного круга его читателей, с «избавлением» православных от ужасов «конца времен». В этой связи упоминание «осмого часа» как времени, несущего на себе черты начала «вечной жизни», возможно, имело особую символическую значимость еще и потому, что сами описываемые в памятнике события происходили в знаменательный для христианина день — **день Рождества Пресвятой Богородицы**[81]: «Сказание», равно как и другие памятники Куликовского цикла, специально подчеркивает этот факт[82]. Рождество Богородицы, согласно церковному Преданию, «ознаменовано наступлением времени, когда начали исполняться великие и утешительные обетования Божия о спасении рода человеческого от рабства диавола»[83]. Можно предположить, что именно в данном контексте символика Праздника Рождества Божьей Матери, по всей видимости, была тесно связана с символикой числа «8». Действительно, и праздник, и число так или иначе семантически связаны с образами Спасения: праздник знаменует начало Спасения, а число — саму Вечную жизнь — эсхатологическую вечность спасшегося человеческого рода. Кроме того, символическая связь праздника и числа прослеживается даже в таком немаловажном (особенно, для вечно ищущего Божественных знамений средневекового сознания) факте, что само Рождество Богородицы приходится на 8 (!) сентября.

Таким образом, упомянутый «осмой час», по всей видимости, отражал своеобразное «художественное время» памятника, автор которого с провиденциалистских позиций воспринял победу русских на Куликовом поле. В контексте наступления спасительного для всего человеческого рода праздника Рождества Богородицы использование числовой символики «осмаго часа» (ассоциация с Вечностью), вероятнее всего, было вызвано стремлением автора произведения усилить и уточнить и без того присутствующую в «Сказании» художественную интонацию, посвященную теме эсхатологического избавления православных христиан[84].

* * *

Итак, объяснение действиям воеводы, ожидающего наступления «осьмого часа», появляется, как только мы представим, что перед нами разворачиваются помыслы и поступки *не реального* Дмитрия Боброка — героя Куликовской и других битв второй половины XIV века, а Дмитрия Боброка — героя литературного, *героя художественного произведения*, по всей видимости, рубежа XV — XVI веков — «Сказания о Мамаевом побоище». Анализ некоторых «подробностей» в описании кульминационного эпизода сражения («дух южны», «осмой час») позволяет нам сделать вывод, что перечисленные детали, вероятно, не соотносились с реальными обстоятельствами Куликовской битвы. Функция указанных деталей — знаковая. Не лишним будет напомнить наблюдение С.С.Аверинцева, который обратил внимание на то, что по средневековым представлениям, «человек обязан (был) быть... "знающим значение знаков и знамений" — или, если угодно, семиотиком»[85]. Указанные детали как бы направляли восприятие читателя в необходимое автору смысловое русло, позволяя за «военно-историческим» сюжетом разглядеть не выраженный явно «эсхатологический» подтекст, не менее, а может быть, и более значимый для понимания смыслов, заключенных в «Сказании о Мамаевом побоище».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 304 (раздел написан Л.А.Дмитриевым).

[2] См. например.: Каргалов В.В. Конец ордынского ига. М., 1984. С. 55—56.

[3] Арцыбашев Н.С. Повествование о России. Т. 2. М., 1838. С. 133; Афремов И.Ф. Куликово *поле с реставрационным планом* Куликовской битвы. В 8-ой день сентября 1380 года. М., 1849. С. 31; Костомаров Н.И. Куликовская битва. М., 1864. С. 21; Бестужев-Рюмин К.Н. О злых временах татарщины и о страшном Мамаевом побоище. СПб., 1865. С. 61; Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. Кн. II. М., 1988. С. 276—277.

[4] См. например.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. V. М., 1993. С. 43; Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 21; Соловьев С.М. Указ. соч. С. 277; Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. Т. 1. СПб., 1889. С. 113; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950. С. 242; Очерки истории СССР: Период феодализма (IX—XV вв.). Ч. II. М., 1953. С. 225; Кирпичников А.Н. Куликовская битва. Л., 1980. С. 99; Кучкин В.А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 19 и др.

[5] Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Указ. соч. С. 242; См. также: Очерки истории СССР... С. 225; Бескровный Л.Г. Куликовская битва // Куликовская битва. Сб. статей. М., 1980. С. 241–242. По всей видимости, Н.М.Карамзин имел в виду то же, когда писал, что Дмитрий Боброк призвал к битве, перед этим «с величайшим вниманием примечая все движения обоих ратей» См.: Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 43.

[6] Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 285.

[7] Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 51. Ср.: Шахматов А.А. [Отзыв о сочинении С.Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906]. СПб., 1910. С. 146.

[8] ПСРЛ. Т. 26. М.—Л., 1959. С. 142; Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982 (далее: Сказания...). С. 99.

[9] Сказания... С. 44.

[10] Салмина М.А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974. С. 103.

[11] Списки РНБ. Собр. Михайловского. А. 509 и ГИМ. Собр. Забелина. № 261 (соответственно вар. Михайловского и вар. Забелина). См.: Русские повести XV–XVI вв. Сост. М.О.Скрипиль. М.—Л., 1958. С. 33–34; Повести о Куликовской битве. М., 1959 (далее: Повести...) С. 196. По мнению Л.А.Дмитриева, указанные варианты изобилуют поздними сокращениями и вставками, в том числе и из Синопсиса. См.: Дмитриев Л.А. Обзор редакций «Сказания о Мамаевом побоище» // Повести... С. 457–458, 464–470.

[12] Дмитриев Л.А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966. С. 388.

[13] Шамбинаго С.К. Сказание о Мамаевом побоище // ОЛДП, вып. 125. СПб., 1907. С. 44.

[14] Сказания... С. 122; «Сказание о Мамаевом побоище». Лицевая рукопись XVII века из собрания ГИМ. М., 1980. Л. 73 об.; «Сказание о Мамаевом побоище». Историко-литературоведческий очерк. Кн. 1. М., 1980. С. 94; Дмитриев Л.А. Обзор редакций... С. 451, 461.

[15] Он же. Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974. С. 159, 172–173.

[16] Сказания... С. 44, 122. Ср.: Русские повести XV–XVI вв... С. 33–34; Повести... С. 196.

[17] Сказания... С. 44, 99, 123; ПСРЛ. Т. 26. С. 142; «Сказание о Мамаевом побоище». Историко-литературоведческий очерк... С. 94. Указание на «осмой час» как на время вступления засадного полка в бой отсутствует в Лондонском списке Вологодско-Пермской летописи — из-за порчи текста это место не читается (См.: ПСРЛ. Т. 26. С. 340) и в Киприановской редакции «Сказания» (См.: Сказания... С. 25). В последней, как мы покажем далее, «расчасовка» всей Куликовской битвы производилась по тексту «Летописной Повести», чтения которой существенно отличаются от соответствующих мест ранних редакций «Сказания». В остальных интересующих нас текстах памятника данное

чтение присутствует, что позволяет отнести его происхождение к первоначальному виду памятника.

[18] Татищев В.Н. История Российская. Т. V. М.—Л., 1965. С. 146–147. К сожалению, ряд исследователей достаточно активно привлекает труд В.Н.Татищева для реконструкции событий Куликовской битвы, что, на наш взгляд, не вполне корректно (см. напр.: Кирпичников А.Н. Великое Донское побоище // Сказания... С. 293–294, 298–301, 303).

[19] Сказания... С. 65.

[20] Демин А.С. Художественные миры древнерусской литературы. М., 1993. С. 112.

[21] Нечаев С. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // Вестник Европы. Ч. 118. № 14. Июль. 1821. С. 126–164 (план Куликова поля — Там же: С. 164а). Согласно точке зрения С.Д.Нечаева, поддержанной большинством исследователей, битва проходила в междуречье Дона, Непрядвы и Мечи, т.е. между правым берегом Дона и правым берегом Непрядвы. (См.: Тихомиров Д.И. Краткое описание Куликова поля // ЧОИДР. 1846. Кн. 2. Отд. 4. С. 36; Афремов И.Ф. Указ. соч.; Луцкий Е.А. Куликово поле // Исторический журнал. 1940. № 9. С. 44–54; Ашурков А.Н. На поле Куликовом. Тула, 1976; Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 234; Хорошкевич А.Л. О месте Куликовской битвы // История СССР. 1980. № 4. С. 92; Скрынников Р.Г. Куликовская битва. Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 54–57; Плигузов А.И. [Комментарии] // Живая вода Непрядвы. М., 1988. С. 609–611; Фехнер М.В. Находки на Куликовом поле. К вопросу о месте битвы 1380 г. // Куликово поле. Материалы и исследования (Труды ГИМ. Вып. 73). М., 1990. С. 72–78 и др.)

[22] В.А.Кучкин полагает, что сражение проходило в междуречье Дона, Непрядвы и Буйцы, т.е. между правым берегом Дона и левым берегом Непрядвы. См.: Кучкин В.А. Победа на Куликовом поле... С. 16–19.

[23] Это относится и к основным силам, и к засадному полку русских: согласно обеим локализациям, южный ветер мог быть только встречным по отношению ним. Отвергая возможность того, что засадный полк, занимая какую-то особую позицию, располагался лицом на север, В.А.Кучкин отметил, что «поскольку Мамай шел на Куликово поле со стороны р.Мечи, русские полки, даже засадный, не могли стоять фронтом к северу». См.: Кучкин В.А. О месте Куликовской битвы // Природа. 1984. № 8. С. 51.

[24] Там же.

[25] Сказания... С. 25, 41; 73, 96; 103, 119; ПСРЛ. Т. 26. С. 139. (В Лондонском списке Вологодско-Пермской летописи вместо чтения «на запад» — «назади» — Там же. С. 338.)

[26] Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 380; Ср.: Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 3. М., 1990. С. 104.

[27] Сказания... С. 65. По мнению А.С.Демина, сообщенному при обсуждении нашего доклада «"Духъ южны" в "Сказании о Мамаевом побоище"» в ИМЛИ РАН, употребление глагола «потягну» с существительным «духъ» (в значении "ветер") во время создания «Сказания» мало-

вероятно; в подобном словосочетании «духъ», действительно, должен был восприниматься как "сверхъественная сила".

[28] Сказания... С. 40–41, 62, 95–96, 118–119; ПСРЛ. Т. 26. С. 139, 337–338.

[29] См. например.: Сказания... С. 45, 66, 99, 123.

[30] Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 43–44.

[31] Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 155.

[32] Лотман Ю.М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992. С. 407–408.

[33] Подосинов А.В. Ориентация по сторонам света в древних культурах как объект историко-антропологического исследования // Одиссей. Человек в истории. 1994. М., 1994. С. 38; См. также.: Гуревич А.Я. Категории... С. 89.

[34] Подосинов А.В. Указ. соч. С. 42–45.

[35] См.: Мещерский Н.А. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958. С. 45, 117, 255–256. Ср.: Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб., 1912. Стлб. 1141. См. также.: Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 409.

[36] См.: Дмитриевский А.А. Богослужение в русской церкви в XVI в. Часть 1. Казань, 1884. С. 43.

[37] Служба на день Рождества Пресвятой Богородицы. М., 1765. С. 20; Ср.: Минея. Сентябрь. М., 1978. С. 222. Считаем приятным долгом поблагодарить В.В.Кускова, сообщившего нам о существовании подобного чтения в Минее.

[38] Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 43; Соловьев С.М. Указ. соч. С. 277.

[39] Тихомиров М.Н. Куликовская битва 1380 года // Повести... С. 370. Ср.: Кирпичников А.Н. Великое Донское побоище... С. 296.

[40] Кучкин В.А. Победа на Куликовом поле... С. 19. Прим. 120.

[41] Сказания... С. 43, 98. Ср. там же. С. 121. ПСРЛ. Т. 26. С. 141.

[42] Сказания... С. 41–43, 96–98.

[43] ПСРЛ. Т. 4. Часть 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 317–318; Там же. Т. 6. СПб., 1853. С. 94.

[44] Там же. Т. 4. Часть 1. Вып. 1. С. 320; Там же. Т. 6. С. 95.

[45] Сказания... С. 45, 99, 123. ПСРЛ. Т. 26. С. 142, 340.

[46] Сказания... С. 65. «Хронометрическая версия» упоминаемого нами списка РНБ, 0.IV.22, легшего в основу при издании варианта «О» Основной редакции, по всей видимости, просто изобилует вторичными чтениями. Так, согласно этой «версии» «поганые одолевают» русских не в 6-м часу, как во всех ранних редакциях (в том числе и в списках Основной), а в 7-м и т.д. По-видимому, автор Киприановской редакции больше доверял рассказу «Летописной Повести», датировав окончание битвы по ее версии. Однако он не пренебрегал и информацией «Сказания», воспользовавшись находящимся в нем упоминанием о начале сражения в третьем часу и позаимствовав оттуда целый рассказ о засадном полке.

[47] Гуревич А.Я. Представления о времени в средневековой Европе // История и психология. Сб. статей. М., 1971. Он же. Категории... С. 43 и далее.

[48] Пронштейн А.П., Кияшко В.Я. Хронология. М., 1981. С. 24.

[49] Гуревич А.Я. Представления о времени... С. 198. Ср.: Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 164–165.

[50] Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 165–166.

[51] Гуревич А.Я. Представления о времени... С. 166. Он же. Категории... С. 52.

[52] Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 166. Гуревич А.Я. Категории... С. 114.

[53] Прозоровский Д.И. О старинном русском счислении часов // Труды 2-го Археологического съезда. Вып. 2. СПб., 1881. После работ Д.И.Прозоровского и Н.В.Степанова (см.: Степанов Н.В. Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям. М., 1909.) данная проблематика практически не рассматривалась в основных пособиях по исторической хронологии. (Ср.: Черепнин Л.В. Русская хронология. М., 1944. С. 48–49; Каменцева Е.И. Хронология. М., 1967. С. 110; Ермолаев И.П. Историческая хронология. Казань, 1980. С. 110–111; Пронштейн А.П., Кияшко В.Я. Указ. соч. С. 24–26; Климишин И.А. Календарь и хронология. М., 1990 и др.)

[54] Степанов Н.В. Указ. соч. С. 12–18.

[55] Гуревич А.Я. Категории... С. 115.

[56] Наличие умозрительных расчетов Кирика Новгородца или Гонория Августодунского подтверждает лишь то, что время можно было *рассчитать*, не *измеряя* его. (См.: Зубов В.П. Кирик Новгородец и древнерусское деление часа // Историко-математические исследования. Вып. 6. М., 1953. Ср.: Гуревич А.Я. Категории... С. 115–116).

[57] Там же. С. 114.

[58] Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 86; Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 48. Видимо, это и позволило И.П.Ермолаеву прийти к выводу о том, что «четкое деление суток на часы входит в употребление только приблизительно с начала XV века». (См.: Ермолаев И.П. Указ. соч. С. 110).

[59] Пипуныров В.Н., Чернягин Б.М. Развитие хронометрии в России. М., 1977. С. 12–17. Совершенно естественно, что в индивидуальном употреблении «портативные *экземпляры*» механических часов появляются гораздо позже, чем те же башенные часы,— только начиная с XVI века (см.: Пронштейн А.П., Кияшко В.Я. Указ. соч. С. 26).

[60] Гуревич А.Я. Категории... С. 114.

[61] Там же.

[62] Мурьянов М.Ф. Хронометрия Киевской Руси // Советское славяноведение. 1988. № 5. С. 68.

[63] Степанов Н.В. Указ. соч. С. 14–16.

[64] Там же. С. 17. С тем, что «время обычно указывали по церковным службам», согласна и Е.И.Каменцева (см.: Каменцева Е.И. Указ. соч. С. 110). Эта гипотеза нашла подтверждение и на западноевропейском материале. (Ср.: Гуревич А.Я. Категории... С. 115). Вероятно, определив «точное время» по колокольному звону местного храма, книжник

и заносил в свое сочинение «хронометрическую» информацию о событиях. Определение времени самих служб, как мы указали, могло происходить с помощью песочных часов, измеряющих не точное время, а лишь временные промежутки, скажем, от одной службы до другой.

[65] Степанов Н.В. Указ. соч. С. 19.

[66] Гуревич А.Я. Категории... С. 121.

[67] Там же. С. 120.

[68] Кириллин В.М. Символика чисел в древнерусских сочинениях XVI века // Естественно-научные представления в Древней Руси. М., 1988. С. 106.

[69] Данилевский И.Н. Библия и Повесть временных лет (К проблеме интерпретации летописного текста) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 79.

[70] Кириллин В.М. Символика чисел... С. 106.

[71] Известно, например, послание старца Филофея Михаилу Григорьевичу Мунехину «О злых днехъ и часехъ» // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 442—455.

[72] Симонов Р.А. Объяснение оригинальной трактовки «качеств» хронократоров в древнерусском астрологическом тексте XV века // Герменевтика древнерусской литературы X—XVI вв. Сб. 3. М., 1992. С. 327—343. См. также: Гуревич А.Я. Категории... С. 117.

[73] Кириллин В.М. Символика чисел... С. 83.

[74] Он же. Епифаний Премудрый: умозрение в числах о Сергии Радонежском // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 6. Часть 1. М., 1994. С. 80—81.

[75] Настольная книга священнослужителя. Т. 4. М., 1983. С. 240, 665.

[76] Зелинский А.Н. Конструктивные принципы древнерусского календаря // Контекст — 1978. Литературно-теоретические исследования. М., 1978. С. 94—95.

[77] Оксиюк М.Ф. Эсхатология св. Григория Нисского: Историко-догматическое исследование. Киев, 1914. С. 2, 497.

[78] Зелинский А.Н. Указ. соч. С. 96—98. Согласно тексту Священного Писания «у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Петр. 3, 8) и «пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний» (Пс. 89, 4—5). (См. также: Зелинский А.Н. Указ. соч. С. 94).

[79] Д.С.Лихачев подметил, что композиция «Троицы» Андрея Рублева «вписана в восьмиугольник, образуемый табуретами и подножиями внизу, архитектурными деталями и горкой вверху. Этот восьмиугольник символизирует собой вечность...» (Лихачев Д.С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.). М.—Л., 1962. С. 129.)

[80] Там же.

[81] Как отметил А.Н.Робинсон, то, что сражение происходило 8 сентября, в праздник Рождества Богородицы, «в данную эпоху (эпоху создания памятников Куликовского цикла.— В.Р.) имело немаловажное моральное значение». (Робинсон А.Н. Эволюция героических образов в по-

вестях о Куликовской битве // *Куликовская битва в литературе и искусстве*. М., 1980. С. 12).

[82] Сказания... С. 10, 14, 20, 41, 62, 96; ПСРЛ. Т. 26. С. 139, 338.

[83] Месяцеслов (8 сентября) // Настольная книга священнослужителя. Т. 2. М., 1978. С. 41. Интересно, что в Летописной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» мы находим подтверждение того, что спасительный смысл праздника был известен, по крайней мере, составителю этой редакции, а скорее всего — и авторам всех памятников Куликовского цикла («приспе же праздник сентября 8, *начало спасения нашего* рожеству святой богородицы...») (См.: ПСРЛ. Т. 26. С. 139. Ср.: Служба на день Рожества Пресвятые Богородицы... С. 8; Минея. Сентябрь... С. 213; Минея Общая. М., 1993. Л. 16 об.)

[84] Случаи подобного использования числовой символики известны. Так, например, автор одной из редакций «Сказания о Тихвинской Одигитрии» «попытался с помощью сакральной символики чисел (в данном случае — 3, 5, 7, 15.— В.Р.) донести до читателя не выразимую средствами простого языка идею о сокровенном смысле явления иконы и последующих чудесах и событиях». (См.: Кириллин В.М. Символика чисел... С. 107).

[85] Аверинцев С.С. *Поэтика ранневизантийской литературы*. М., 1977. С. 123.